
Н.В. Ликвинцева

ГЛУБЖЕ, ЧЕМ ПОЛИТИКА:
ПУБЛИЦИСТИКА МАТЕРИ МАРИИ (СКОБЦОВОЙ) В ГАЗЕТЕ «ДНИ»

ОТ ПОЛИТИКИ К ИСТОРИОСОФИИ:
БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Если посмотреть, в каких изданиях эмигрантской периодики наиболее активно печаталась при жизни Елизавета Юрьевна Скобцова (в монашестве мать Мария), то первенство здесь принадлежит, по всей видимости, именно газете «Дни», издававшейся в 1922–1932 гг. А.Ф. Керенским сначала в Берлине, затем (с 1927 г.) в Париже. Выбор именно этой газеты не удивит, если вспомнить активное правоэсеровское прошлое матери Марии. Интереснее другое: проследить, как меняется характер и тематика ее газетных публикаций¹, как автор в статьях и вызванных ими оживленных дискуссиях оттачивает и углубляет свою мысль, движется от эсеровского прошлого к своему будущему: монашеству в миру (постриг в 1932), объединению «Православное дело», богословию «внехрамовой литургии», спасению евреев во время войны и гибели в 1945 г. в газовой камере концлагеря Равенсбрюк.

Начинается ее участие в газете в конце 1924 — 1925 г. рядом чисто политических заметок, посвященных защите демократии и прав угнетенных (в данном случае эмигрантских рабочих), т. е. тех же общественно-политических ценностей, которые и привели ее в свое время в ряды эсеровской партии²; целый ряд статей посвящен проблемам казачества³, одна — современной трансформации идей социализма⁴. В «Днях» же были опубликованы прозаические опыты Е.Ю. Скобцовой: рассказ «Йота»⁵, рассказы очеркового типа «Жуткое» и

¹ Почти вся публицистика матери Марии в «Днях», за исключением нескольких статей, ни разу не переиздавалась и, таким образом, выпала из поля зрения исследователей. Она целиком войдет в Собрание сочинений матери Марии, готовящееся в издательстве «Русский путь».

² См., напр.: Ю.Д. Союз рабочих во Франции «Труд» // Дни (далее — Д.). 1924. 11 нояб. № 613. С. 1–2; Ю.Д. Под сурдинку: (Письмо из Франции) // Там же. № 629. 30 нояб. С. 2; Ю.Д. Русские во Франции // Там же. 1925. 14 марта. № 715. С. 2. Подробная библиография публикаций матери Марии в «Днях» за 1924–1927 гг. составлена Т.В. Викторовой (Париж).

³ Интерес к проблемам казачества связан прежде всего с тем, что казачьим общественным деятелем был муж Елизаветы Юрьевны Даниил Ермолаевич Скобцов, бывший член Кубанского правительств. См., напр.: Ю. Данилов. Казаки за рубежом // Д. 1925. 26 сент. № 811. С. 2; Юрий Данилов. Казачьи дела // Там же. 29 окт. № 839. С. 2; Юрий Данилов. Казачьи несогласия // Там же. 1 дек. № 867. С. 2; Юрий Данилов. «Русское патриотическое дело» (о джигитах, политике и прочем) // Там же. 30 дек. № 891. С. 2; Ю. Данилов. Крушение зарубежных и казаки // Там же. 1926. 19 янв. № 907. С. 2; Д. Юрьев. Казачьи разговоры // Там же. 18 мая. № 1008. С. 2.

⁴ См.: Ю.Д. Против социализма: (Письмо из Франции) // Там же. 1925. 19 марта. № 719. С. 2. (Полемика с А.А. Аргуновым.)

⁵ Ю. Данилов. Йота: (Рассказ) // Там же. 1924. 1 июня. № 475. С. 7.

«Соседи»⁶ и мемуарный очерк о К.П. Победоносцеве «Друг моего детства»⁷. Все публикации 1924–1926 гг. даны под псевдонимами: Ю.Д., Юрий Данилов, Дан. Юрьев, Ю. Данилов (псевдоним)⁸. Из собственно публицистических работ этого периода наибольший интерес представляют две статьи конца 1925 г., поднимающие темы, которые позднее станут одними из центральных: ответственности («Нечто о лозунготворчестве») и соотношения религии и демократии («Религия и демократия»)⁹. В 1926 г. (а именно тогда начинается участие Елизаветы Юрьевны Скобцовой в Русском студенческом христианском движении) к перечисленным темам прибавляются отклики на съезды РСХД¹⁰, на открытие Религиозно-философской академии Н.А. Бердяева или акт Свято-Сергиевского православного богословского института, рецензия на очередной номер журнала «Путь» или прочитанный доклад Н.А. Бердяева¹¹.

Чтобы лучше понять общий контекст творчества Е.Ю. Скобцовой середины 1920-х гг., лишь частью которого и является ее публицистика в «Днях», стоит не терять из вида особенности, характерные для всей творческой эмиграции того времени и непосредственно связанные с только что пережитыми событиями: революцией, Гражданской войной, ломкой устоявшегося мира и быта, изгнанием и потерей родины, даже имя которой стало другим. Естественна первичная интенция в такой ситуации: еще раз вспомнить, оживить в памяти все то, что произошло со страной и с самим человеком в ходе самих событий, и то, что им предшествовало, попытаться нащупать причины и смысл исторической катастрофы. Творческой переработкой такого взглядывания в собственное прошлое для Елизаветы Юрьевны, как и для многих, стали мемуары¹² и художественное слово, проза. Именно эти области становятся в тот период основным руслом движения мысли в осмыслении истории, тогда как газетным текстам остается лишь

⁶ Ю. Данилов. Жуткое: (Очерк) // Д. 1926. 3 янв. № 894. С. 2; Ю. Данилов. Соседи: (Очерк) // Там же. 21 марта. № 960. С. 2.

⁷ Скобцова Е. Друг моего детства // Там же. 1925. 18 сент. № 804. С. 3; 19 сент. № 805. С. 2–3.

⁸ Под своим именем (Е. Скобцова) дан только очерк «Друг моего детства». Псевдоним составлен из имен отца и сына (Юрий) и мужа (Даниил) Елизаветы Юрьевны.

⁹ Юрий Данилов. Нечто о лозунготворчестве // Д. 1925. 12 нояб. № 851. С. 2; Ю. Данилов. Религия и демократия // Там же. 9 окт. № 822. С. 2. К содержанию этих статей мы обратимся ниже.

¹⁰ Юрий Данилов (псевдоним). Богомолье // Там же. 30 июля. № 1067. С. 2; Юрий Данилов (псевдоним). Знаменья // Там же. 1926. 21 авг. № 1086. С. 2.

¹¹ Дан. Юрьев. Теософия и христианство: (На докладе Бердяева) // Там же. 23 мая. № 1013. С. 2; Ю. Данилов (псевдоним). Акт Богословского института // Там же. 25 июня. № 1037. С. 2; Юрий Данилов (псевдоним). «Путь», № 4 // Там же. 16 сент. № 1108. С. 2–3; Ю.Д. Открытие религиозно-философской академии // Там же. 18 нояб. № 1162. С. 3.

¹² Кроме упомянутых воспоминаний о К.П. Победоносцеве: Юрий Данилов. Последние римляне // Воля России. 1924. № 18/19. С. 103–124; Ю.Д. Как я была городским головой // Там же. 1925. № 4. С. 63–80; № 5. С. 68–80. Осмыслению революции и Гражданской войны посвящены (помимо упомянутого рассказа «Йота») ее прозаические опыты того времени: Юрий Данилов. Равнина русская: (Хроника наших дней) // Современные записки. 1924. № 19. С. 79–133; № 20. С. 125–215; Юрий Данилов. Клим Семенович Барынькин: (Повесть) // Воля России. 1925. № 7/8. С. 3–37; № 9/10. С. 3–38. На эту же тему написана глубокая и интересная повесть «Несколько правдивых жизнеописаний» (в одном из главных героев которой угадывается А.Ф. Керенский), неопубликованная и сохранившаяся в рукописях (повесть подготовлена к изданию и войдет в Собрание сочинений матери Марии, готовящееся в издательстве «Русский путь»).

сфера политики: разумного устройства эмигрантского бытия, защиты прав и достоинства рядового эмигранта, поиска возможностей как-то облегчить его существование (задачи, которых мать Мария не оставляет и далее, которые словно входят в саму ткань ее жизни).

1926 г. добавляет ко всему перечисленному нечто новое. Это год, ставший во многом переломным, — год смерти младшей дочери Насти¹³ и начала сотрудничества Е.Ю. Скобцовой с РСХД. Мать Мария и РСХД — отдельная большая тема. Отметим только один момент, принципиальный для фиксации изменения точки зрения Елизаветы Юрьевны на историю, в том числе и на политическую историю, что отразилось в публицистике «Дней». Это — одно из многочисленных мероприятий движения, в которых Е.Ю. Скобцова принимает активное участие: создание кружка по изучению России. Кружок возникает в 1927 г. при активном участии Скобцовой (именно к ней «Вестник РСХД» просит обращаться всех потенциальных участников¹⁴), пик его активности приходится на 1928 г.: Елизавета Юрьевна выступает в нем с целым рядом докладов¹⁵, активно участвует в обсуждениях, подробно пишет о работе кружка в двух посланных в «Дни» статьях¹⁶. Кружок постепенно подразделяется на ряд семинаров, один из которых, историософский, возглавляет Г.П. Федотов, другой, посвященный изучению марксизма, Н.А. Бердяев. Стоит сразу заметить, что в этой совместной и, судя по регулярности семинаров, довольно напряженной работе (активно включенной в более широкий контекст встреч в РСХД, Свято-Сергиевском православном богословском институте и Религиозно-философской академии Н.А. Бердяева) встречается группа единомышленников и друзей. Они нередко значительно расходятся в конкретике, спорят между собой, и в этом взаимном общении и общении с молодежью РСХД каж-

¹³ Четырехлетняя девочка умерла 7 марта 1926 г. в Пастеровском институте от менингита. Именно через глубокое переживание этой утраты Скобцова приходит к осознанию «всеобъемлющего материнства» как своего призвания.

¹⁴ В разделе «Хроника жизни движения» «Вестника РСХД» (1927. № 9) сообщается: «Особенно интенсивно работает президиум кружка по изучению России, предполагающий не только расширить свою деятельность в Париже, но и помогать другим кружкам, желающим заняться изучением современной России, главным образом ее духовной жизни. В Париже, кроме общих собраний кружка, предполагается организовать три семинара: 1 — Марксизм и христианство. 2 — Религиозный смысл событий современной русской истории и 3 — Русская литература. Всех интересующихся этими вопросами, как парижан, так и иногородних, просят обращаться за всеми справками к Елизавете Юрьевне Скобцовой (по адресу Движения)» (С. 30).

¹⁵ В «Хронике...» упоминаются следующие доклады Е.Ю. Скобцовой, прочитанные в рамках этого кружка в 1927–1928 гг.: 13 марта 1927 г. — «Будущее России»; 27 декабря 1927 г. — «Марксизм, религия и антирелигиозная пропаганда» (на семинаре «Христианство и марксизм»); 25 декабря 1927 г. — «Племя незнакомое» (доклад был послан в «Дни», машинопись хранится в архиве газеты); 21 марта 1928 г. — «О Г.П. Данилевском»; 7 ноября 1928 г. — «Судьба России»; 26 ноября 1928 г. — «Масоно-мистические течения в эпоху Александра I» (на семинаре по истории русской религиозной мысли XIX в. под руководством Н.А. Бердяева); 5 декабря 1928 г. — продолжение прений по докладу Е.Ю. Скобцовой «Русские мыслители о судьбах Европы».

¹⁶ См.: Скобцова Е. По поводу заметки «Раскол в РСХД» // Д. 1927. 26 окт. № 1218. С. 3. См. также посланный в редакцию «Дней», но не опубликованный текст, хранящийся в архиве редакции: Она же. Русское христианское студенческое движение. ГА РФ. Ф. 5878. Оп. 1. № 355. Маш. Архивные материалы газеты «Дни» также принимаются во внимание в данной работе; их библиография собрана парижским исследователем Т.В. Викторовой.

дый из них оттачивает свои собственные мысли. Это Г.П. Федотов, Н.А. Бердяев, Ф.А. Степун, И.И. Фондаминский, Е.Ю. Скобцова. Сложившаяся общность сохранится и продолжится в 1931–1939 гг. в журнале «Новый Град», издавать который будут четверо из перечисленных мыслителей (кроме Н.А. Бердяева, чьи статьи тоже займут свое место на страницах журнала). В период деятельности кружка эта общность, рождающаяся в переключке и подчас взаимоотталкивании частных философских концепций и идей, возникает из общей направленности взгляда, так охарактеризованной Г.П. Федотовым: «Наше усилие направлено к разгадке лица России, затуманенного революционной бурей. Мы стремимся разглядеть его в настоящем — сквозь разделяющие нас пространства, сквозь новый, чуждый нам язык; разглядеть его в прошлом, в культуре, в исторических судьбах России, в ее самосознании, разглядеть и в будущем, поскольку это будущее определяется ее призванием. Мы не ставим себе задач чисто образовательных, не думаем конкурировать с “Народным университетом”, хотя момент информации, изучения входит в современное и в историческое постижение России. Но наше изучение подчинено задачам деятельного служения. Идея России, которая опознается нами, должна определить путь нашего будущего служения ей. Мы не выдвигаем конкретных задач этого служения, — особенно избегаем политических тем. Мы предвидим, что общность идеи не создает еще единства служенья. На пути к реализации лежат бесконечные трудности и блуждания. То, что мы можем уже сейчас ставить своей задачей, — это работа над новым национальным сознанием. У нас есть незыблемое начало — православие. Есть изменчивая, становящаяся, постигаемая нами материя — Россия в ее исторической жизни. Мы надеемся, что этот расплавленный ныне металл скоро отольется в твердую форму национального самосознания»¹⁷.

Елизавету Юрьевну в этой совместной кружковой работе больше всего привлекает именно историософский семинар, ставший, по ее выражению, «как бы лабораторией, в которой каждый человек имеет возможность серьезно и объективно проверить свои взгляды, найти им подтверждение в прошлом, оформить их и заострить соответственно требованиям настоящего. Само собой разумеется, что основной линией, по которой ведется работа, является религиозное осмысление русской истории. Чтобы понять недавние события, приходится понять их религиозный смысл, приходится зачастую углубляться в дальнейшее историческое прошлое, восстанавливать общую концепцию Киевской Руси и Московского царства, Петровского периода и русской революции»¹⁸.

Вглядимся, как отразилась эта «лабораторная» работа на страницах «Дней». В 1927 г. «Дни» переезжают из Берлина в Париж и потому выходят только с октября: на страницах газеты появляются, кроме упомянутой заметки о РСХД, три статьи Елизаветы Юрьевны — две посвященные проблемам молодежи и отклик на лекцию Мережковского¹⁹. Характерно, что с этого времени все статьи уже пе-

¹⁷ Федотов Г.П. Изучение России // Вестник РСХД. 1928. № 2. С. 20–31.

¹⁸ Скобцова Е. Русское христианское студенческое движение // ГА РФ. Ф. 5878. Оп. 1. № 355.

¹⁹ Она же. Комсомольский быт // Д. 1927. 27 окт. № 1219. С. 2–3; Она же. Берендеевцы // Там же. 5 нояб. № 1228. С. 2; Она же. На лекции Мережковского // Там же. 20 дек. № 1273. С. 3.

чатаяются под ее именем, без псевдонимов: Е. Скобцова. В 1928 г. в газете уже напечатано семнадцать ее статей²⁰, причем часть из них вызывает бурную полемику на страницах «Дней» и «Последних новостей». К содержательному обзору этих статей мы обратимся ниже, так как прежде всего именно публицистика 1928 г. будет в фокусе нашего внимания. Пока же заметим только, как постепенно меняется сама стилистика этих статей: от сухой и политически ангажированной лексики заметок начала 1920-х гг. к историко-философской терминологии и эмоциональной образности личного, равнодушного отклика на все происходящее, подаче идей и событий, заставляющей не просто мгновенно реагировать на них, но включиться в постепенный и углубляющийся процесс осмысления. Осенью 1928 г. «Дни» становятся еженедельником, что значительно сократило объем публикуемого в них материала. В 1929 г. появляются две статьи Е.Ю. Скобцовой о Церковном соборе 1917 г. и одна о докладе Н.А. Бердяева о русском нигилизме²¹. В 1930 г. вышла очень важная для уяснения самого хода историсософской мысли Елизаветы Юрьевны статья «По обе стороны»²²; в 1931 г. на собраниях «Дней» Е.Ю. Скобцовой был прочитан не менее важный в этом отношении доклад «Будни эмиграции»²³.

Характерно, что в таком медленном движении от политики к историсософии постоянно происходит переосмысление самой политики, своеобразная попытка ее углубления: политическая злободневность и немедленное реагирование на нужды сегодняшнего дня, которые автора ни в коей мере не перестают волновать, представляются чем-то плоским и бьющим, соответственно, мимо цели. Политическая тактика должна быть словно бы омыта исторической мыслью, встроена в контекст истории и мысли об истории, только тогда она сможет снова стать действенной. Для подлинного разрешения политических вопросов нужно, по мнению Елизаветы Юрьевны, найти «предпосылки не только злободневной политики или столкновения экономических интересов, — другими словами, предпосылки, могущие меняться и перемещать центр тяжести и разрешенные вопросы, — а нечто более существенное, метафизически предопределяющее и

²⁰ Скобцова Е. «Версты» № 3 // Д. 1928. 21 янв. № 1305. С. 3; Она же. По поводу // Там же. 4 февр. № 1319. С. 3; Она же. Основы новых идеологий // Там же. 11 февр. № 1326. С. 3; Она же. Новая секта в России // Там же. 12 февр. № 1327. С. 2; Она же. Дело личной совести // Там же. 17 февр. № 1332. С. 3; Она же. «Древние поверия» и завтрашний день // Там же. 29 февр. № 1344. С. 2; Она же. «Современные записки» № 34. (Часть общественно-политическая) // Там же. 3 марта. № 1347. С. 3; Она же. Герань и Иоанн Калита // Там же. 9 марта. № 1353. С. 3; Она же. «Классический марксизм и русский ленинизм»: (Доклад Н.А. Бердяева) // Там же. 16 марта. № 1360. С. 2; Она же. Шуба от северного ветра // Там же. 1 апр. № 1376. С. 2; Она же. Два события // Там же. 12 апр. № 1387. С. 2; Она же. Миссия народов // Там же. 24 апр. № 1399. С. 3; Она же. Прошлое и настоящее комсомола // Там же. 6 мая. № 1410. С. 2; Она же. Две меры // Там же. 10 июня. № 1445. С. 2; Она же. Есть ли в поле жив человек? // Там же. 11 ноября. № 10. С. 9–10; Она же. Об истинной революционности // Там же. 9 дек. № 14. С. 13–14; Она же. Парадоксы церковного сознания // Там же. 30 дек. № 17. С. 9–10.

²¹ См.: Она же. Истоки русского нигилизма // Там же. 1929. 3 марта. № 26. С. 12–13; Она же. О церковном Соборе 1917 года // Там же. 12 апр. № 36. С. 11–12; Она же. Еще о положении Церкви при Временном правительстве: (Доклад А.В. Карташева) // Там же. 9 июня. № 40. С. 9.

²² Она же. По обе стороны // Там же. 1930. 7 сент. № 105. С. 13–14.

²³ См.: Корин А. Собрания «Дней». XLV. «Будни эмиграции». Доклад Е.Ю. Скобцовой // Там же. 1931. 1 марта. № 125. С. 4–11.

практические выводы»²⁴. В своей статье «Две меры»²⁵ она приводит пример своего собственного чтения, уже в эмиграции, российских газет мая – июня 1914 г. (для одного американца, пишущего книгу об ответственности за Первую мировую): накануне войны все газеты в один голос твердили о ее невозможности. Она рисует образ политиков как людей, вводящих «в свои расчеты только те силы, которые уже обнаружили свое присутствие. Им даны сложные алгебраические выражения без иксов и без игреков. Они могут только преобразовывать эти выражения, абсолютно не привнося в них и не убавляя от них никаких величин». Но существуют еще иксы и игреки, которые «ждут своего срока, чтобы ворваться в формулу и совершенно переместить все массы, — положительные величины переделать на отрицательные, деление на умножение и т. д. Подспудно зреют новые данности, подспудно поднимаются волны новых настроений, растут противоречия, меняется психология, нарождается иной пафос, тают и обсыпаются еще действующие силы, — для того чтобы в какую-то минуту все это новое ринулось на поверхность и определило собой завтрашний день». Внимательность к такому становящемуся новому (которой накануне войны обладали «только одинокие метаисторики, поэты-провидцы, — главным образом Блок»), неразрывно связанную с пристальным вглядыванием в саму историю, в ее незаметный ход, она определяет как новое, «двойное» видение, противопоставляя его плоскостному зрению «злободневной политики». Именно попыткой обретения такого нового зрения, позволяющего видеть будущее в его неразрывной связи с прошлым и настоящим, и становится для Е.Ю. Скобцовой историософия. Попробуем проследить ее элементы по статьям и темам, вызвавшим целые волны полемики и газетных дискуссий.

ПОЛЕМИКА ОБ «ОТЦАХ И ДЕТЯХ»: ОБРАЩЕННОСТЬ К БУДУЩЕМУ

В статье «Знаменья»²⁶, вдохновенно передающей впечатления от съезда РСХД, Елизавета Юрьевна радостно вглядывается в облик движенческой молодежи, встреча с которой ее окрыляет и обнадеживает: будущее возможно, так как есть те, кто может принять культурное и духовное наследство. Автор пишет: «Смена идет. Наследие не только любовно принято, но, несомненно, будет приумножено, потому что среди молодого поколения есть и живые, и творческие, духовно-напряженные люди. И вся их суть, — не распад, а созидание». Корень этой надежды — осознание начавшейся здесь встречи интеллигенции с Церковью: «Это приближение к встрече православных церковных кругов с теми кругами русской интеллигенции, которые творили русскую духовную и общественную культуру в последнем столетии. Веря в творческие силы русской интеллигенции, чтя ее многострадальный дальний путь в прошлом, принимая ее творческие достижения, — нельзя не радоваться этой грядущей встрече и не ждать от нее какой-то новой эры в русской духовной культуре». В неопубликованной статье «Русское студенческое

²⁴ Скобцова Е. Герань и Иоанн Калита // С. 3.

²⁵ Она же. Две меры // Там же. 10 июня. № 1445. С. 2.

²⁶ Юрий Данилов (псевдоним). Знаменья // Там же. 1926. 21 авг. № 1086. С. 2.

христианское движение» она охарактеризует движение как «самую многочисленную и прочную из всех организаций молодежи»²⁷.

Надежда вообще является одной из ключевых составляющих мировоззрения матери Марии, ничему так не противоположного, как безнадежности. Само наличие живой, творческой и думающей молодежи — для нее уже залог будущего. Поэтому не случайно ее активное участие не только в РСХД, но и, позже, в обществе «Круг», задуманном как встреча талантливых монпарнасских «огарочников» с религиозно мыслящими «отцами», и в Пореволюционном клубе, где она будет дискутировать с национал-максималистами. А о. Сергей Гаккель, по крупицам собиравший все свидетельства о пребывании матери Марии в нацистском лагере и о ее влиянии на других узников, пишет: «Она особенно ладила с советской молодежью — ровесницами Гаяны [старшая дочь матери Марии]: с ними она вела оживленные беседы о западноевропейской жизни, о русском прошлом и настоящем»²⁸.

Поэтому неудивительно это ее пристальное вглядывание во все современные ей молодежные течения, в которых можно увидеть хотя бы крупицу жизни и возможности будущего. Так, пристально она пытается всмотреться в советский комсомол, которому в «Днях» посвящены три ее статьи: «Комсомольский быт» (1927), «Прошлое и настоящее комсомола» (1928), «Есть ли в поле жив человек?» (1928). За карикатурностью комсомольской идеологии и псевдонравственности, переданной беспощадно-критически, она пытается разглядеть в комсомольцах хоть что-то светлое (как всю жизнь высматривает это светлое во всех встреченных людях): своеобразный аскетизм, который может привести к тому, что со временем, может быть, «лучшая часть комсомола почувствует себя наследниками иных отцов и продолжат связь с иными традициями»²⁹. Постепенно карикатурность даже комсомольской аскетики становится для Елизаветы Юрьевны все более внятной, но взгляд пытается найти свет даже в сгустившейся советской тьме, надевая розовых очков и не обольщаясь этой тьмою. Болевой вопрос: «Есть ли в поле жив человек?»³⁰ — попытка поверить в существование за завесой мертвой идеологии той самой «внутренней эмиграции» (наследие которой уже в наше время воссоединилось с наследием русского зарубежья), т. е. творческой молодежи, из которой и вырастет Россия будущего.

Не меньшее внимание будущая мать Мария уделяет и эмигрантским молодежным течениям: младороссам и национал-максималистам. Младороссам посвящена статья «Берендеевцы», критически анализирующая их идеи, и прежде всего — монархизм. Однако автор и здесь высказывает надежду, что у них «романтика будущего, максималистическая творческая — съест романтику прошлого»³¹. Еще пристальнее она вглядывается в национал-максималистов. С ними основной костяк кружка

²⁷ Скобцова Е. Русское студенческое христианское движение // ГА РФ. Ф. 5878. Оп. 1. № 355. Маш. Статья не датирована; судя по содержанию, написана в 1928 г.

²⁸ Гаккель С., отец. Мать Мария. Р., 1992. С. 246.

²⁹ Скобцова Е. Комсомольский быт. С. 3.

³⁰ См.: Она же. Есть ли в поле жив человек? С. 9–10.

³¹ Она же. Берендеевцы // Там же. 1927. 5 нояб. № 1228. С. 2.

по изучению России роднит понятие «пореволюционный»: революция стала столь ощутимым историческим сдвигом, что после нее образовалась совершенно новая историческая, «пореволюционная» реальность. С лидером национал-максималистов князем Ю.А. Ширинским-Шихматовым мать Мария будет спорить не только в газетной публицистике, но и в 1930-е гг. в созданном им Пореволюционном клубе и на страницах его журнала «Утверждения»: несмотря на коренное расхождение в некоторых принципиальных вопросах, это был продолжительный и, видимо, для обоих продуктивный диалог, закончившийся единомыслием по отношению ко Второй мировой войне. Итогом такого единомыслия стала гибель обоих в нацистских концлагерях. Пока же для «Дней» Е.Ю. Скобцова пишет статью «Национал-максималисты» (не опубликованную, но сохранившуюся в архиве газеты)³². Статья без подписи, с таким же названием³³, но с по-иному расставленными акцентами и более жесткой критикой выходит в «Днях» в октябре 1927 г. А в январе с таким же названием выходит передовица «Последних новостей»³⁴, ставшая поводом для полемиического ответа Елизаветы Юрьевны и завязавшейся между двумя газетами оживленной дискуссии.

Автор передовиц «Последних новостей» (за которым прочитывается позиция П.Н. Милюкова) острие критики направляет на сочетание у национал-максималистов «очень правой идеологии с очень левой (с точки зрения эмиграции) тактикой». Е.Ю. Скобцова отвечает в «Днях» статьей «По поводу»³⁵, в которой фокусирует внимание именно на проблеме поколенческого взаимонепонимания «отцов» и «детей», говорящих на разных языках. «Последние новости» — «типичный образчик “языка отцов”», тогда как критикуемое течение говорит на «языке “детей”». Чтобы понять причины взаимонепонимания, Елизавета Юрьевна предлагает взглянуть на «философскую генеалогию “отцов”», которые, приняв наследство славянофильства и западничества, не очень поддающееся делению на правое и левое, «конкретизировали идеологические построения предшествующих поколений в точные политические программы. И эти точные политические программы сделали их правыми или левыми». Затем, уже после революции, «отцы» словно застыли на этом уровне политических программ, забыв об их историософских истоках: «Конкретизация подменила мирозерцательный процесс. И ни события революции, ни коренная логика того строя, к борьбе или к поддержанию которого эти программы были приспособлены, не изменили у “отцов” этого состояния историософской закостенелости». «Дети» в этом отношении принципиально иные: никакая конкретная политическая работа им просто не дана, поэтому они находятся пока «вне левизны и правизны» за неимением конкретных политических программ. «Но с другой стороны, — весь напор недавних событий поставил

³² Скобцова Е. Национал-максималисты // ГА РФ. Ф. 5878. Оп. 1. № 357. Маш.

³³ Б. н. Национал-максималисты // Д. 1927. 11 окт. № 1203. С. 3. Данная статья является откликом на ту же брошюру «Национал-максимализм и национал-большевизм», что и статья Е.Ю. Скобцовой. По всей видимости, редакцию не устроило отношение Скобцовой к данному течению, поэтому газета заказала статью на ту же тему у другого автора.

³⁴ Б. н. Национал-максималисты // Последние новости. 1928. 20 янв. № 2494. С. 1.

³⁵ Е. Скобцова. По поводу // Д. 1928. 4 февр. № 1319. С. 3.

их в необходимость коренного пересмотра самых своих миросозерцательных основ. В этом отношении формально работа их гораздо ближе к работе русских деятелей XIX века. На очереди пересмотр идеологий Чаадаева, Аксакова, Хомякова, Данилевского, Леонтьева, Герцена, Михайловского, Достоевского, Соловьева, ранних народников, марксистов и т. д. На очереди вопрос о смысле всего русского исторического процесса, о значении русской революции, о заданиях русского народа. Евразийцы доходят до времен Чингисхана, национал-максималисты говорят о выпрямлении русской исторической линии. Какой? Правой столыпинской или левой милюковской? — Надо думать, что речь идет об обеих. Все это бурление имеет чрезвычайно большое симптоматическое значение. Оно несомненный пролог к крупному национальному творчеству». Ошибки того или иного политического направления связаны именно со стремлением к тактическим установкам без основательной проработки самих истоков своего мировоззрения, которые «могут породить и левую, и правую программу».

Обвиненные в «закостенелости» «отцы» из «Последних новостей» буквально на следующий же день ответили передовой «Ни правое, ни левое»³⁶, соглашаясь с тем, что «госпожа Скобцова углубляет вопрос и доказывает, что суть не в политических программах, а в “идеологических настроениях”». Но тут же и возражая ей тем, что все предложенные ею «идеологии» давно пересмотрены, поскольку «человеческая мысль вообще не остается стоять на одном месте, а человеческая наука — может быть, и несовершенный, но все-таки единственный путь познания — постепенно меняет сами основы тех или других “идеологий”». (Методологическая отсылка к позитивистской науке как единственному способу познания мира станет принципиальной не только в этой, но и во всех дискуссиях Е.Ю. Скобцовой с «Последними новостями».) В своем постепенно-поступательном развитии «отцы» давно ушли вперед от споров славянофилов с западниками, так что Елизавета Юрьевна с ее пересмотром идеологий «плохой гид» для «детей».

Ответом и новой репликой в споре с «Последними новостями» стала статья Е.Ю. Скобцовой в «Днях» «Основы новых идеологий»³⁷, которая начинается с выражения чувства удовлетворения тем, что на этот раз вопрос о психологии «детей» «рассматривается более углубленно», без приклеивания правых или левых ярлыков. Елизавета Юрьевна выступает именно против упомянутой «постепенности» «отцов», нечувствительных к пережитому историческому срыву и грани, отделяющей пореволюционное от дореволюционного. «Но революция совершенно исключила возможность такой *постепенности* в идеологических процессах. Она выдвинула все вопросы во всей их остроте заново». Именно так, заново, с состояния «не помнящих родства» и начинают выработку своих мировоззрений «дети», оказываясь здесь ближе к «дедам», чем к уравновешенным и постепенным «отцам»³⁸. Далее Елизавета Юрьевна пытается очертить, «что отвергают дети

³⁶ Б. и. Ни правое, ни левое // Последние новости. 1928. 5 февр. № 2510. С. 1.

³⁷ Скобцова Е. Основы новых идеологий // Д. 1928. 11 февр. № 1326. С. 3.

³⁸ Есть два человека, по мнению Е.Ю. Скобцовой, среди «отцов», кого не надо переводить «детям»: это И.И. Фондаминский и Ф.А. Степун, чьи мысли органически созвучны по-новому осмысливаемым идеологическим спорам XIX в.

и в чем их связь с XIX веком». «Все утверждения позитивизма, рационализма и материализма» для «детей» неубедительны, они ближе к идеалистическим направлениям философской мысли, а нередко и имеют четкий религиозный фундамент. Они возвращаются к характерным для славянофилов «поискам целостного мировоззрения» (хотя эти поиски и не всегда успешны: так, евразийцы пришли лишь к механическому, а не органическому соединению его частей). Для «детей» характерно также «утверждение абсолютной и максимальной самобытности русского исторического процесса» (даже если эта самобытность не всегда предстает как нечто положительное). И третье — это «вера в мессианство русского народа». Поэтому особенно актуально сейчас наследие славянофилов и народничества: «...молодежь празднует именно их праздник».

Ответом стали сразу две статьи в «Последних новостях»: передовица «Молодежь и национализм» и статья В.И. Талина «Деды, отцы и дети»³⁹, которые при продолжающемся дискуссионном расхождении сторон приятно удивляют уважительным отношением к искренности своего оппонента⁴⁰ и к интересности доводов, налагающих, по слову передовой, «обязанность продолжить нашу беседу». Главное возражение вызывают сделанные Е.Ю. Скобцовой обобщения, особенно касающиеся религиозности молодежи, а также направление взгляда на «темные провалы самобытности» и «древние поверья», совершенно бесперспективное, по мнению «Последних новостей». Слова «самобытность» и «мессианство», как магниты, притянут на себя новую волну спора, к ней мы обратимся ниже, пока же искра противоречия между позитивистическим свободомыслием и выбором религиозности разгорится в еще один, может быть самый оживленный из рассматриваемых, спор.

ЦЕРКОВЬ И СВОБОДА: СПОР О СВОБОДОМЫСЛИИ

Весьма примечательно, что сама попытка «углубления» и спуска с уровня политических программ к лежащей в их основе расплавленной и раскаленной массе идеологической мысли, которая еще должна отлиться в форму искомого «целостного мирозерцания» и определить собою новую, искомую политику или уже больше чем политику,⁴¹ неизбежно ведет к вопросу о религиозной вере и ее совместимости с той или иной партийно-политической принадлежностью. Этот вопрос Е.Ю. Скобцова поднимала на страницах «Дней» еще в 1925 г. в ста-

³⁹ Б. п. Молодежь и национализм // Последние новости. 1928. 16 февр. № 2521. С. 1; Талин В.И. Деды, отцы и дети // Там же. С. 2.

⁴⁰ См., напр., в статье В.И. Талина: «Е. Скобцова, несомненно, пишет о том, что есть, что она сама наблюдает, в чем она сама участвует, что на страницах “Дней” проповедует. Подлинная ее искренность и вера в свое дело не подлежат сомнению». Следующая, уже полемическая фраза начинается соответственно с «но».

⁴¹ В поздних статьях мать Мария сформулирует эту задачу как поиск «целостной жизни», органично охватывающей уровень мысли, веры и тесно связанный с ними и бессмысленный вне их уровень практического действия. Попыткой реализации такого синтеза и станет созданное ею «Православное дело».

тье «Религия и демократия»⁴². 17 февраля 1928 г. на страницах «Дней» появилась статья Е.Ю. Скобцовой «Дело личной совести»⁴³, ставшая откликом на три статьи: передовицу А.Ф. Керенского в «Днях» «Право на веру», статью В.В. Сухомлина в том же номере «Дней» «О партиях, идеологии и нетерпимости» и передовицу «Последних новостей» «Партия и религия»⁴⁴. Формальной причиной спора стал вопрос о мировоззренческой совместимости социализма и религии. В.В. Сухомлин видит противоречие между деятельным и сознательным участием в социалистическом движении и принадлежностью к какой-либо церкви, т. е. подчинением «догматам и иерархии», оговариваясь, что для имеющих в социалистическом лагере церковных социалистов решение такого противоречия — дело их личной совести. А.Ф. Керенский в том же номере мягко увещевает своего корреспондента, считая, что из свободомыслия не стоит делать очередную обязательную религиозную догму и что каждый человек имеет «право на веру». П.Н. Милюков, прочитываемый оппонентами за автором передовиц в «Последних новостях», в «Партии и религии» предпочитает разграничить социализм как партию и социализм как мировоззрение. Второе в своем становлении совпадает с «вековым процессом секуляризации мысли и быта», что, несомненно, есть явление прогрессивное. Результатом свободомыслия как метода свободного мышления будет «мировоззрение, по необходимости исключаящее другие», отрицающее «ложные религии». Критерием же участия в социалистических организациях является опять-таки личная совесть каждого.

Елизавета Юрьевна начинает свой ответ с того, что признает совершенно законной установку Керенского; однако, будучи установкой «извне» религии, она не в состоянии ответить на недоумение Сухомлина о том, как примирить противоречие свободы мысли и божественного авторитета в личной совести. Именно на этот вопрос (корневой в дискуссии) и пытается ответить Е.Ю. Скобцова уже «изнутри» церковной традиции, безоговорочно принимая склонность своих оппонентов к свободомыслию, понимаемому именно как свобода мысли, и пытаюсь раскрыть перед ними ту, еще большую степень свободы, которую она нашла в Церкви. Свобода является самой основой Церкви: «Ведь “где Дух, там Свобода” и “познайте Истину, и Истина сделает вас свободными”... Это основные положения евангельского учения, мимо которых пройти нельзя. Всякий акт уверования имеет в себе обязательный критерий *свободы* этого уверования, *свободного* выбора и *свободного* решения. Христианство, утверждая свободный выбор между добром и злом, совершенный первым человеком, тем самым обосновывает и раз навсегда закрепляет свободу

⁴² Ю. Данилов. Религия и демократия // Д. 1925. 9 окт. № 822. С. 2. Основная идея статьи: разграничение функций религии и демократии, примером смешения которых является религиозное восприятие социализма. По мнению автора, религия в дореволюционной России была слишком общественно-политична, а общественность религиозна. Такое типологическое разграничение приведет к освобождению церкви от навязанных ей государством и чуждых ей внешних заданий.

⁴³ Скобцова Е. Дело личной совести // Д. 1928. 17 февр. № 1332. С. 3.

⁴⁴ Керенский А.Ф. Право на веру // Там же. 8 февр. № 1323. С. 1; Сухомлин В.В. О партиях, идеологии и нетерпимости // Там же. С. 2. (Статья Сухомлина, в свою очередь, — это ответ на неподписанную статью «Партия и мировоззрение» (Последние новости. 1928. 15 янв. № 2489. С. 1).); Б. п. Партия и религия // Там же. 9 февр. № 2514. С. 1.

как главное начало во взаимоотношениях человека и Бога. Без свободного выбора, без свободного «прихождения» к Богу немислимы никакие отношения к Нему». Эмпирическая церковь, связанная не только с божественным, но и с человеческим началом, конечно, не раз нарушала этот закон свободы, лежащий в ее основе, требуя от своих членов лишь формального подчинения авторитету; Достоевский называл такой период пребыванием церкви «в параличе». Но людям вообще свойственно срываться с пути свободы; один из таких недавних срывов — «пламенная инквизиция большевизма, инквизиция во славу свободомыслия как мирозозерцания, как обязательной религии». Но эмпирические недочеты не меняют самой основы Церкви: «Свобода же человеческого духа, через Христа «усыновленного» Богу, — является таким основным положением христианства»⁴⁵. Против же прогрессивности секуляризации свидетельствует сам большевистский эксперимент по ее насильственному и несвободному насаждению.

В.В. Сухомлин, защищая социалистическое «право на неверие», ответил Е.Ю. Скобцовой двумя развернутыми статьями⁴⁶; и даже Д.С. Мережковский со страниц «Возрождения» подал свой возмущенный голос, обдавая сарказмом прежде всего позицию П.Н. Милюкова в данном споре (да и всех остальных, впрочем, не жалуя)⁴⁷. Самым конструктивным голосом в дискуссии стали снова «Последние новости», уже через день ответившие передовой «Свободомыслие и традиция»⁴⁸, опять отсылая к искренности оппонента, побуждающей откликнуться. Разграничив свободомыслие как метод и как его результат, автор передовицы «Последних новостей» настаивает, что такой результат исключает те мировоззрения, которые основаны не на подобном же свободомыслии, а на «традиции». Сама Елизавета Юрьевна согласна, что «только по традиции верить нельзя», но ее мысль об эмпирической церкви, предполагающая наличие какой-то еще «невидимой» Церкви, доказывает лишь тот факт, что «свободомыслие есть метод, который уже применяется самой госпожой Скобцовой», а это легко может вовлечь ее в ересь, а в прошлом могло навлечь на нее гонения, от которых как бы «Последним новостям» и не пришлось тогда ее защищать.

На этот выпад Е.Ю. Скобцова ответила развернутой статьей «Церковь и свобода»⁴⁹, так и не опубликованной в «Днях», поскольку в ней содержится уже явно не «газетная» экклезиология. Здесь она предлагает углубить базу спора, исключив из него злободневность политических вопросов. В продемонстрированном неверном понимании Церкви неожиданно встретились две традиции: «традиция синодально-официозная и традиция — либерально-вольнодумная», и это очередной итог «двухсотлетнего паралича» церкви. Подтверждением того, что эмпирической церковью не исчерпывается все понятие Церкви, служат примеры

⁴⁵ Скобцова Е. Дело личной совести. С. 3.

⁴⁶ Сухомлин В.В. Социалисты против права на веру или церковь против права на неверие?: Статья первая // Д. 1928. 31 марта. № 1375. С. 2–3; Он же. Где подлинная свобода?: Ответ Е. Скобцовой // Там же. 5 мая. № 1409. С. 3.

⁴⁷ Мережковский Д.С. Дневник читателя. Белыми чернилами // Возрождение. 1928. 9 марта. № 1011. С. 2–3.

⁴⁸ Б. н. Свободомыслие и традиция // Последние новости. 1928. 19 февр. № 2524. С. 1.

⁴⁹ Скобцова Е. Церковь и свобода // ГА РФ. Ф. 5878. Оп. 1. № 356. Маш.

Афанасия Великого и Максима Исповедника, экклезиология вполне православного А.С. Хомякова, недавний пример патриарха Тихона и его последователей в их противостоянии «живоцерковникам». Церковь включает в себя как божественное, так и человеческое начало (ересь же берет во внимание только одно из них, исключая другое), а человеческое начало естественным образом связано со свободомыслием, поэтому «необходимо полное напряжение свободы и свободного творчества в том, кто подчинился церковным догматам и церковной иерархии». Именно отсутствие такого творческого притока в церковь в период ее закостенения и обусловило относительную, хотя и одностороннюю, прогрессивность секулярного гуманизма. Современная задача Церкви — «в синтетическом усвоении и преобразовании этой мысли».

Видимо, именно эти газетные дебаты и стали поводом для проведения 1 апреля 1928 г. в Религиозно-философской академии Н.А. Бердяева открытого диспута «Христианство и свободомыслие» (собравшего в переполненном зале около 500 человек) с докладом Н.А. Бердяева и выступлениями П.Н. Милюкова (главного бердяевского оппонента), митрополита Евлогия, Б.П. Вышеславцева, В.В. Зеньковского, В.Н. Ильина, Г.П. Федотова, Г.В. Флоровского и др.⁵⁰

Тема свободы, поднятая в этой дискуссии, не просто центральная во всем творчестве матери Марии начиная от ранних стихов и кончая поздними статьями, это одна из главных интуиций ее жизни, того стержня, вокруг которого строятся «целостное мирозерцание» и «целостная жизнь». Именно «ощущение большой духовной свободы... во всем Движении»⁵¹ привлекает ее в ряды РСХД; центральность этой темы у Н.А. Бердяева во многом обеспечивает их долгую и непрекращающуюся дружбу; нечувствительность же евразийцев «к самому понятию свободы», атрофия у них «какого-то духовного органа, воспринимающего идею свободы»⁵² делает для нее неприемлемыми все их построения. Следя за «идеологическим бурлением молодых», она надеется, что оно приведет их рано или поздно к выработке программы, «стоящей под знаком идеи человеческой личности и свободы»⁵³.

Неразрывная связь самой сущности Церкви со свободой обуславливает характер публицистики Е.Ю. Скобцовой на церковные темы в «Днях». В центре внимания здесь собор 1917 г., освободивший церковь «от два века тяготевших на ней пут служения государству»⁵⁴, его значению посвящен ряд статей⁵⁵. Эта интуиция свободы объясняет и четкость ее позиции в вопросах церковной политики:

⁵⁰ Елизавета Юрьевна написала об этом диспуте статью, которая сохранилась в архиве «Дней»: Скобцова Е. Два языка // ГА РФ. Ф. 5878. Оп. 1. № 358. О диспуте см. также: Б. н. Христианство и свободомыслие // Вестник РСХД. 1928. № 5. С. 25–27; Корин П. Христианство и свободомыслие // Д. 1928. 3 апр. № 1378. С. 2; Н.П.В. Христианство и свободомыслие: Публичный диспут // Последние новости. 1928. 4 апр. № 2569. С. 2–3.

⁵¹ Юрий Данилов (псевдоним). Богомолье // Д. 1926. 30 июля. № 1067. С. 2.

⁵² Скобцова Е. «Версты» № 3 // Там же. 1928. 21 янв. № 1305. С. 3.

⁵³ Она же. Основы новых идеологий // Там же. 11 февр. № 1326. С. 3.

⁵⁴ Юрий Данилов (псевдоним). Знаменья // Там же. 1926. 21 авг. № 1086. С. 2.

⁵⁵ См., напр.: Скобцова Е. О церковном Соборе 1917 года // Там же. 1929. 12 апр. № 36. С. 11–12; Она же. Еще о положении Церкви при Временном правительстве: (Доклад А.В. Карташева) // Там же. 9 июня. № 40. С. 9.

абсолютное неприятие карловацкого раскола, поддержка политики митрополита Евлогия, ориентация на «новую церковную Москву», давшую «православие мучеников и исповедников»⁵⁶, поддержка позиций патриарха Тихона в его отказе благословить Белое движение и даже согласие с «Декларацией» митрополита Сергия (Страгородского), поскольку она для нее есть «отказ от политики... невмешательство в распрю земными средствами»⁵⁷ ради сохранения церковного единства, т. е. оружие Давида в его борьбе с Голиафом (любимый ее образ). Интуиция той неслыханной свободы, в которой оказалась эмигрантская церковь, наведет ее в дальнейшем на размышления о той новой ответственности, которую требует от каждого церковного человека такая свобода, о том, как быть этой свободой достойными. Пока же, вернувшись к полемике, разворачивающейся на страницах «Дней», будем держать в уме эту тему свободы как принципиальный момент всех историософских построений Елизаветы Юрьевны.

ПОЛЕМИКА О САМОБЫТНОСТИ. СТРАННОЕ МЕССИАНСТВО И НОВОЕ НАРОДНИЧЕСТВО

29 февраля Е.Ю. Скобцова публикует в «Днях» статью, подхватившую брошенную оппонентами фразу о «древних поверьях»: «Древние поверия» и завтрашний день»⁵⁸. Статья начинается с многообещающего заявления: «Спор об отцах и детях... доведен до такой стадии, что его надо договаривать до конца». Такое «договаривание» звучит довольно парадоксально и уже без всяких осторожностей в отношении умеренных позиций остальных участников диспута. Автор предлагает раскрыть «псевдонимы»: подлинным предметом спора являются не «отцы и дети», не «старые и новые», а «старое и новое». Новое принесено в жизнь великим событием, русской революцией⁵⁹, ставшей срывом и ломкой старого, рассекшим наше время и наши жизни. Ни одна из доктрин дореволюционной общественности не смогла предвидеть масштаба событий. Теперь нужно учесть ошибки, и ключ к загадке происшедшего надо искать не в научном подходе «Последних новостей» (ссылки на экономику, политику и ошибки последнего царствования ничего не дадут, все это было и раньше): «Надо искать ключ к уразумению народного Ахерона. Надо понять жуткое и точное сходство русского народа смутного времени и времен Пугачева, когда никакая научно-обоснованная интеллигенция не возглавляла его, — с народом 17-го года, спутавшего все планы и карты, разбившего все расчеты, поведшего Россию по пути, которого никто не ждал и никто не предвидел». Большевики победили, возможно, потому, что

⁵⁶ Юрий Данилов (псевдоним). Знаменья // Д. 1926. 21 авг. № 1086. С. 2.

⁵⁷ Скобцова Е. На лекции Мережковского. С. 3. Обоснованию своей позиции по вопросу о «Декларации» митрополита Сергия посвящена отдельная статья: *Она же*. Парадоксы церковного сознания // Там же. 1928. 30 дек. № 17. С. 9–10.

⁵⁸ Скобцова Е. «Древние поверия» и завтрашний день // Там же. 29 февр. № 1344. С. 2.

⁵⁹ В повести «Несколько правдивых жизнеописаний» она называет ее Великим Событием — с прописных букв.

«была минута, когда они были созвучным каким-то нами не учтенным народным голосам». Нужно всмотреться «в собственные ошибки, в собственный отрыв от каких-то подлинных и всепобеждающих народных корней», а не предпочитать свою научность подлинной реальности этих отвергаемых «древних поверий». Самобытность оспаривать бесполезно, потому что «эта русская самобытность нас выплеснула, а большевиков в себе потопила». Поэтому нужно пересмотреть все традиции, как «классического либерализма», так и «классического национализма», всмотреться в историю, в Петровские реформы, оторвавшие образованное и быстро развивавшееся меньшинство от инертного большинства: «...народное меньшинство ответило через столетие взлетом Пушкина, а большинство ответило через два столетия срывом Ленина». Парадоксальность статьи в том, что, развернув перед читателем эту страшную картину «народного Ахерона», автор тут же возвращается как к чему-то неотменяемому к темам, которые уже знакомы и привычны ее оппонентам: «один из ключей к пониманию событий находится в руках тех, кто говорит о коренном значении религиозной устремленности русского народа»; «если принцип свободы личности, например, является тем, что мы хотим проводить в жизнь, то это отнюдь не потому, что мы его подобрали на широкой европейской дороге, а потому, что свобода и человеческая личность являются ценностью сами по себе. Точно так же и демократия ценна для нас не тем, что по этой дороге идут все европейские народы, а тем, что в этих формах наиболее полно и наиболее творчески сумеет выразить себя наш самобытный народ».

Столь странная «самобытность», взорвавшаяся как грозный вулкан и в то же время не отменяющая принципов свободы личности и демократии как задач, которые она должна осуществить, вызвала очередную волну откликов с нотками недоумения и несогласия: либо с тезисом о русской самобытности (поскольку самобытны все народы и у всех своя религиозная устремленность), как А.Ф. Керенский и передовик «Последних новостей» (настаивающий на том, что русский народ тоже европейский), либо с возможностью сочетания такой самобытности с идеей свободы личности, как В.И. Талин⁶⁰. Попробуем пристальнее всмотреться в эту загадочную «самобытность» и в само понятие народа, каким оно предстает в анализируемой публицистике Е.Ю. Скобцовой.

Еще в статьях 1924–1925 гг. автор пристально вглядывается в «рядовое русское беженство»⁶¹, в страдания и потребности «Иванов и Петров»⁶², предлагая за политическими лозунгами всегда видеть конкретных живых людей, да и сама принципиальная для нее тема демократии (народоправства) — тоже ракурс ее понимания народа. В 1928 г. к этой осязаемой конкретности народа «Иванов и Петров» прибавилась та загадка, тайна, о которой говорили ее художественные женственные образы России в прозе (например, в «Равнине русской»). Мы уже упомянули о загадке «народного Ахерона»: в статье «Классический марксизм

⁶⁰ См.: Керенский А.Ф. О самобытности // *Д.* 1928. 1 марта. № 1345. С. 1; Б. н. К «пересмотру традиций» // *Последние новости.* 1928. 1 марта. № 2535. С. 1; Талин В.И. Самобытная окрошка // Там же. 3 марта. № 2537. С. 2.

⁶¹ Ю.Д. Под сурдинку: (Письмо из Франции) // *Д.* 1924. 30 нояб. № 629. С. 2.

⁶² Юрий Данилов. Нечто о лозунготворчестве // Там же. 1925. 12 нояб. № 851. С. 2.

и русский ленинизм” (доклад Н.А. Бердяева)⁶³ она называет ее «темной народной тайной», наряду с которой имеет место и «светлая тайна русского народа». Именно последняя и составляет предмет искреннего философского интереса, именно в ней залог будущего. От «темной тайны» получил свой заряд коммунизм. В светлую всегда глядывалось народничество (к нему мы еще вернемся). Темную религиозность коммунизма можно одолеть только противоположной ему религиозной установкой, «только встретившись со светлой тайной народа и получив от него достаточный заряд»: «...надо найти подлинное звучание сермяжной, народной, равнинной Святой Руси, чтобы не остаться заново в интеллигентских кабинетах, без всяких приводных ремней к народной русской истории». Ключом к этой «светлой тайне» русского народа является для Елизаветы Юрьевны его «мессианство».

Вопрос о мессианстве, продумываемый ею именно в конце 1920-х — начале 1930-х гг. (прежде всего в размышлениях о мыслителях XIX в. — А.С. Хомякове, В.С. Соловьеве, Ф.М. Достоевском)⁶⁴, в газетной публицистике поднимается не как отдельная тема, а именно как направленность взгляда на разгадывание упомянутой «светлой тайны». Ближе всего она подходит к нему в статье «Миссия народов»⁶⁵. Разговор о национальном характере и исторической миссии того или иного народа Е.Ю. Скобцова начинает с примера Израиля: она говорит о сохранности самосознания еврейского народа даже во времена рассеяния и о несовпадении величия задачи, стоящей перед народом, с государственной мощью (так, обладавшие такой мощью римляне переродились в итальянцев, евреи же так и остались евреями). Миссии народов подобны человеческим задаткам и склонностям: «...человек с психологией созерцателя не может иметь миссию завоевателя». О России говорить трудно потому, что ее миссия еще не выполнена, она подобна человеку, который хоть и сделал уже немало, но еще «находится в положении человека, “подающего надежду”». На каком же основании можно говорить о миссии и даже мессианстве русского народа? «Если на протяжении веков, начиная от московских философствований о третьем Риме, — а четвертому не бывать, — кончая “Скифами” Блока или строками Белого: “Россия, Россия, Россия, Мессия грядущего дня”, — народ в лице своей интеллигенции, — в лице своего мыслительного аппарата, — именно так утверждает свое историческое самосознание, — то не есть ли это такая же историческая реальность, как распространение Московского государства от Белого моря до Черного, как Империя, занимающая одну шестую мировой суши, и т. д. Национальное самосознание, образовываясь в частном сознании даже не мыслителей и провидцев, а просто рядовых граждан, думающих на эти темы, является известной реальностью, влияющей на общий ход исторического развития данного народа, с которой нельзя не считаться».

⁶³ Скобцова Е. «Классический марксизм и русский ленинизм» (доклад Н.А. Бердяева). С. 2.

⁶⁴ В 1929 г. в издательстве «УМСА-Press» выходят три ее брошюры, посвященные этим мыслителям: Скобцова Е. А. Хомяков. Р., 1929; Она же. Достоевский и современность. Р., 1929; Она же. Мирозозерцание Вл. Соловьева. Р., 1929. См. также статью, посвященную именно теме мессианства: Она же. Российское мессианское призвание // Утверждения. 1931. № 2. С. 23–29.

⁶⁵ Она же. Миссия народов // Д. 1928. 24 апр. № 1399. С. 3.

Может быть, самое интересное в таком подходе — это само всматривание в образ и судьбу народа через его задание, т. е. через то, что придает смысл его существованию (ошибки и падения не отменяют высоты задачи), а также то, что выработывает свое самосознание народ именно в лице своей интеллигенции, являющейся его мыслительным аппаратом; тогда в согласованности этого «аппарата» со всем организмом как целым — залог будущего народа. История мысли при таком подходе является не просто частью истории, но одной из ее движущих сил; стало быть, развитие народа во многом зависит от динамики развития мысли и плодотворности интеллигенции: «Многовековая история русской мессианской идеи, характеризующейся основными национальными свойствами русского народа, является, помимо всего прочего, подлинным свидетелем некоторой национальной реальности, с которой надо считаться, чтобы вообще понять русскую историю». Мы не будем сейчас подробно останавливаться на истории мессианской идеи в понимании Е.Ю. Скобцовой, отметим только тот минимум, который необходим для понимания всего комплекса ее идей. Мессианство связано для нее с идеей Боговоплощения; оно уже проявлено рождением Христа в еврейском народе, ставшем Богоприимцем. Но сама идея Богочеловечества позволяет думать и о воплощении Христа в истории, о претворении человечества в Богочеловечество. Именно к такой задаче подводит основное течение русской философской мысли — от идеи Третьего Рима до славянофилов, Соловьева, Достоевского и о. Сергия Булгакова, — пытавшееся связать земное и небесное (сама тема Софии), в земном уловить и воплотить небесный замысел. Именно в этом ключе и рассматривается особая религиозная устремленность русского народа, подводящая к его «светлой тайне».

Отметим сразу еще один момент, принципиальный для правильного понимания мысли автора: ее мессианская идея не только не совпадает с национализмом в любых его проявлениях, но полностью противоположна ему. Это связано и с теоретическим разграничением понятий «народ» и «нация», которые в истории русской мысли оказались разведены так, что из первого вышло революционное народничество с его заботой об угнетенных, а из второго — правый национализм, связанный с угнетателями⁶⁶. Но в первую очередь это связано с тем, что матери Марии во все периоды ее жизни был органически чужд какой бы то ни было национализм, какое бы то ни было превозношение одного народа над другим. В статье «Шуба от северного ветра»⁶⁷ она приводит два примера из собственной жизни: один — «полного национального унижения», второй — «национальной гордости». Первый: «По окончании гимназии я подала прошение на курсы. И вскоре узнала, что моя одноклассница, еврейка, учившаяся не хуже меня, не попала в процентную норму, так как у нее в пятом классе обнаружилась какая-то четверка, а я на курсы принята, хотя у меня тоже можно было обнаружить четверку. И вот тогда я испытала чувство глубочайшего унижения и стыда». Второй: «Февраль

⁶⁶ См. об этом ее подробную статью: Скобцова Е. К истокам // Современные записки. 1929. № 38. С. 488–500. Хотя упомянутая статья была опубликована в «Современных записках», первоначальный ее вариант под названием «Нечто о новаторстве и консерватизме» был послан именно в «Дни» и хранится в архиве газеты.

⁶⁷ Она же. Шуба от северного ветра // Д. 1928. 1 апр. № 1376. С. 2.

1920 года. Самостоятельная грузинская республика. Мы — уже беженцы, уже пришлые, после разгрома Деникинской армии, после Новороссийской эвакуации. <...> Фронт по ту сторону Кавказского хребта? Сыпной тиф? Разоренные станции? Гражданская война? — Знаете, какой существовал афоризм на этот счет в Тифлисе? — *Шуба от северного ветра*. <...> Не дают визу, — эдакая своеобразная черта оседлости, проведенная для русских Европой. Друзья предлагали мне хлопотать о грузинском подданстве. Вот он, момент полной и ничем не смущаемой национальной гордости. Я отказалась от грузинского паспорта и пошла со своим неудобным русским по всяким английским, французским и итальянским мятарствам. Никакой ценой, ни за какие визные благополучия нельзя было предать свою причастность к кровавой завесе, которую так цинично называли в Тифлисе “шубой от северного ветра”».

Если мессианство — это прежде всего избранничество, то такие примеры национального унижения и национальной гордости, в корне противоположные общепринятым, наводят на размышления о характере подобного избранничества. След такого понимания мы можем найти еще в одной статье «Дней», посвященной национальному вопросу: «Герань и Иоанн Калита»⁶⁸. Споря с сепаратистски настроенными представителями малых национальностей, она приводит пример величия Великороссии, не менее парадоксальный, чем приведенные примеры национального унижения и национальной гордости: «Иоанн Калита, — Великороссия, — заплатила за выход во *Все-Россию* отказом от своего местно-национального лица. Великороссия умерла, чтобы воскрес путь в масштабах Всероссийских. И потому теперь голос наследников ее, как собирательницы земли русской, как Калиты, — имеет право заявить: все всероссийское наследие, — с Пушкиным и Шевченко, с Рубинштейном и Глинкой... — все мое, — потому что я отрекся от своего частного, маленького, великорусского, отрекся во имя всероссийского целого. И не мое, а наше. А моего нет». Эта тема избранничества как жертвы и самоотдачи, лишь намечаемая здесь⁶⁹, с новой силой вспыхнет во время Второй мировой войны в ее не менее парадоксальном развороте темы избранничества Израиля, гонимой ветхозаветной Церкви, которую встречает также гонимая и свободная от союза с государством Церковь новозаветная, так что в этой разделенности страданий «создается новый и таинственный союз»⁷⁰, — концепция, озвучить которую мог, пожалуй, лишь тот, кто в итоге заплатил за нее жизнью: погибнув в концлагере за спасение евреев.

⁶⁸ Скобцова Е.И. Герань и Иоанн Калита. С. 3.

⁶⁹ Идея эта неразрывно связана с мыслью Вл. Соловьева, выделявшего в русской истории тактику самоотречения. В более позднее время эта линия продолжится в публицистике А.И. Солженицына как тема самоограничения.

О противоположности идеи мессианства национализму писал еще в «Судьбе России» Н.А. Бердяев: «Националистам всякий мессианизм со своим безумием и жертвенностью должен представляться не только враждебным, но и опасным. Националисты — трезвые, практические люди, хорошо устраивающиеся на земле» (Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 102).

⁷⁰ *Мать Мария*. Размышления о судьбах Европы и Азии // Кузьмина-Караваева Е.Ю. (Мать Мария). Жатва Духа. СПб., 2004. С. 496. Сходно раскрывает эту же тему Креста и избранничества Израиля Эдит Штайн, ученица Гуссерля, философ и католическая святая еврейского происхождения, погيبшая в Освенциме.

Затронутая тема жертвы оказывается центральной и в народническом отношении к народу, к которому призывает вернуться не только Е.Ю. Скобцова. В 1927 г., например, выходит статья В.В. Зеньковского «Новое о народничестве», в которой он призывает к новому, «религиозному народничеству»: им должна стать пришедшая в Церковь интеллигенция⁷¹. Новое отношение к народничеству продумывает и Елизавета Юрьевна, и мы уже не раз упоминали об этом в связи с темой пересмотра идеологий. В статье «Классический марксизм и русский ленинизм» (доклад Н.А. Бердяева) она спорит с Бердяевым именно в ракурсе недооценки последним народничества: «Но ведь на самом деле основной чертой народничества было не противоположение себя народу, а стремление преодолеть это двухвековое противоположение. Для народничества тайна народа была и своя тайна, а не лежащая вовне». Заслуга революционного народничества для нее именно в том, что «оно совершенно правильно отказалось от притяния темной народной тайны, не захотело стать Стенькой Разиным, возглавить “русский бунт, бессмысленный и беспощадный”. Потому что этим отказом от властвования во что бы то ни стало народничество сохранило за собой право на представительство светлой тайны русского народа. Да, в этом была большая доля традиционной жертвенности русского народничества. Но и в этом же заключен залог его дальнейшего развития».

Отказ от власти как выбор «светлой», а не «темной тайны» народа — здесь не просто еще один пример жертвенности и самоотречения. Он связан с принципиальным для Е.Ю. Скобцовой различием народа и государства, с двумя типами исторического мышления, ставящими во главу угла одно из этих двух начал: римского, основанного на государственности, которой подчинен народ; и израильского, где в центре внимания народ, а государственность является моментом второстепенным. Симпатии автора, естественно, на стороне второй концепции, но в русской истории она видит их противоборство. Победа римского начала связана всегда с мертвечиной, «окоستنением», утратой свободы, тогда как подлинно народная линия несет с собой жизнь, творчество и духовную свободу. Потому что государство — искусственно созданный механизм, инструмент (которым просто нужно уметь пользоваться), тогда как народ — подлинный субъект истории, живая личность⁷².

Именно этот живой народ, живую Россию она и пытается разглядеть под пленкой коммунистической идеологии, «под ВКПб и Коминтерном»⁷³, видя залог величия их будущего в освобождении церкви от влияния государства, от «параллели»; в новом нарождающемся народном единстве, связанном с тем, что события революции и Гражданской войны переживались «всем народом», невзирая на классы и сословия. Это рождающееся единство связано с опытом колоссального страдания, и именно это страдание и должно оказаться в центре внимания нового народничества, которому естественно ответить на него состраданием и любовью. Только такое зрение и позволяет увидеть «светлую тайну», не закрывая глаза на

⁷¹ См.: Зеньковский В.В. Новое о народничестве // Современные записки. 1927. № 33. С. 469–480.

⁷² См. об этом в ее статье «К истокам».

⁷³ Скобцова Е. Две меры // Д. 1928. 10 июня. № 1445. С. 2.

«темную»: точно так же мать Мария видит самого Христа, образ Божий в каждом встреченном человеке, при этом человеческие грехи и недостатки лишь побуждают пристальнее всматриваться в свет и самоотверженнее за него бороться. В своих поздних статьях мать Мария назовет такое зрение «мистикой человекообщения».

В 1930 г., уже будучи разъездным секретарем РСХД, посетив немало эмигрантских пристанищ и увидев немало горя и нищеты, Е.Ю. Скобцова публикует в «Днях» статью «По обе стороны»⁷⁴. Она видит море страдания по обе стороны границы: в России, с ее голодом и жутким сталинским террором, в ужасах и доведенной до абсурда бессмысленности которого она полностью отдает себе отчет: «Машина давит, давит и своих и чужих. Россия — растерзанная плоть, и кровь смешалась с пылью. Россия Соловков, Россия будней, лишенцев, Россия, караемая отнятием права есть. Старики без жилплощади; дети, перед которыми стоит уже раз испытанная дорога: через голодный год в банду беспризорных, в то, что по ту сторону бытия. А рядом скоморошество, маскарад. ...Кровь, голод, отчаянная ненависть всех, ненависть отчаяния, а рядом скоморошье “силны как никогда”». И параллельно этим страданиям — страдания рядовых русских эмигрантов (о которых она писала еще в политических статьях 1925 г.): «А вот что такое настоящая эмиграция, раскинутая по заводам, по французским трущобам? Тут тоже примеры не менее страшные, чем те, которые приходят с той стороны. Эмиграция — это завод и кабак». Только внимательностью и любовью к тому, что по эту сторону, — любовью к ближним, и может быть осуществлено сострадание и к тем, дальним; в страдающий эмигрантский народ и должно идти новое народничество: «...надо принять медика-пьяницу, притоны, тоску, скитания из города в город. Всю эту истерику и безвыходность настоящей, мученической эмиграции принять до конца и чувствовать, что только так и может быть, когда в России кровь и пыль и скоморошьи личины. <...> Ведь тут помощь — только в любви к этим потерявшимся и пьяненьким, помощь в отказе от своих белых одежд. Дело в том, что только через эти раны и лежит единственная дорога в Россию. ...Только при этом и возможно единое с Россией биение сердца. Соловки и скоморошьи кровавые крестные ходы, выбитые окна домов от планового взрыва церковей — это параллельно кабакам, заводам и тоске русской рядовой эмиграции. Все прочие или должны это понять и освободиться от бездарной и чуждой обывательщины, которой они заполнили свою жизнь, прикрывая это высокими словами о миссиях, признании и белых эмигрантских ризах, или должны обречь себя на такое европейски-уездное прозябание, которому нет ни оправдания, ни пути к страшной, холодной, тоскующей России».

Такому народничеству мать Мария и посвятила свою жизнь — вплоть до смерти в самой гуще народа, «с гурьбой и гуртом», в битком набитой газовой камере.

⁷⁴ Скобцова Е. По обе стороны // Д. 1930. 7 сент. № 105. С. 13–14. Тему эмигрантского народа и его страданий, поднятую в этой статье, Е.Ю. Скобцова продолжит в докладе на собрании «Дней» в 1931 г. См.: Корин А. Собрания «Дней». XLV. «Будни эмиграции». Доклад Е.Ю. Скобцовой // Д. 1931. 1 марта. № 125. С. 4–11. (Изложение доклада, прочитанного Е.Ю. Скобцовой 20 февраля 1931 г. на очередном собрании «Дней» под председательством А.Ф. Керенского, и прений по нему.)

О НЕРАВНОДУШИИ: ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Из прослеженных нами оживленных дискуссий, разворачивавшихся в 1928 г. на страницах «Дней» вокруг статей Е.Ю. Скобцовой, мы не осветили в подробностях одну: спор о «герани». 9 марта она публикует текст «Герань и Иоанн Калита»⁷⁵, ставший реакцией на собрания «Дней» с дебатами по национальному вопросу⁷⁶. Елизавета Юрьевна начинает с чувства неудовлетворенности решением вопроса на уровне «злободневной политики», предлагая, как обычно, его углубить. Далее она пытается ответить на вопрос: что ее, «не империалистку, не шовинистку — раздражает в самодовольной и заносчивой позиции малых народностей?». Дело тут не в столкновении экономических интересов, а в чувстве «русской, исторической судьбы». Далее следует еще один неожиданный поворот все той же темы избранничества: «Величаяя и трагическая поступь русской истории, все конфликты и антиномии, заложенные в ней, все взлеты и падения, ею уже осуществленные, — удивительно точно психологизировались в абсолютном и крайнем отрицании мещанства, мещанского благополучия, мещанской “герани” на окне, которое так определенно проходит через всю русскую литературу. <...> И за наше право существовать “без герани” мы платим очень дорогой ценой. Вот психологический ключ к уразумению нашего отношения к окраинным идеалам, “герани”». И уже далее именно в этом ключе автор поднимает тему добровольной смерти Великороссии ради жизни Все-России, о чем мы уже говорили.

«Герань» вызвала возмущенные отклики в «Днях» некоего А.Х., одного из представителей «малых наций»⁷⁷; ответом на них стала статья в «Последних новостях» «В защиту “герани”»⁷⁸, а в РСХД даже было проведено собрание кружка по изучению России, посвященное обсуждению данной статьи⁷⁹. Что не удивительно. «Герань», «шуба от северного ветра», «тепло и не дует» — может быть, самые хлесткие образы в рассматриваемой публицистике. Они обрисовывают то явление, которое вызывает наибольшее возмущение автора: мещанство. Мещанство в понимании Елизаветы Юрьевны — отнюдь не привилегия той или иной национальности: она пишет о «великом звере мещанства, правящем сейчас Россией под видом диктатуры коммунистической партии»⁸⁰. Мещанство никоим образом не

⁷⁵ Скобцова Е. Герань и Иоанн Калита. С. 3.

⁷⁶ См.: Корин А. Собрания «Дней» IX. Доклад М.В. Вишняка «Национальные вопросы в России // Д. 1928. 7 февр. № 1322. С. 2–3. (Собрание 30 января под председательством Н.Д. Авксентьева.); Он же. Собрания «Дней» X. Прения по докладу «Национальные вопросы в России» // Там же. 15 февр. № 1330. С. 2–3. (Собрание 9 февраля под председательством Н.Д. Авксентьева.); Он же. Собрания «Дней» XI. Прения по докладу «Национальные вопросы в России» // Там же. 25 февр. № 1340. С. 2–3. (Собрание 20 февраля под председательством Н.Д. Авксентьева.); Он же. Собрания «Дней» XII. Прения по докладу М.В. Вишняка «Национальные вопросы в России» // Там же. 1 марта. № 1345. С. 3. (Собрание 25 февраля под председательством А.Ф. Керенского.)

⁷⁷ См.: А.Х. Об исторической миссии России // Там же. 9 апр. № 1384. С. 2; Он же. Об особой психологии русского народа // Там же. 16 апр. № 1391. С. 2; Он же. Иоанн Калита сам толкает герани // Там же. 23 апр. № 1398. С. 2.

⁷⁸ Мейснер Д. В защиту «герани» // Последние новости. 1928. 10 апр. № 2575. С. 3.

⁷⁹ См.: Е.Ф. «Герань». РСХД // Д. 1928. 22 апр. № 1397. С. 5.

⁸⁰ Скобцова Е. Комсомольский быт. С. 2–3.

совпадает с судьбой маленького человека: мы хорошо помним, как печется мать Мария о его судьбе. Мещанство — это равнодушие и выбор безответственности, т. е. то, что в корне противоположно свободе, ответственности и жизни. «Шубе от северного ветра» (а статья с таким названием продолжает и развивает тему «герани») Е.Ю. Скобцова противопоставляет «принятие на себя максимальной ответственности за все совершившееся»⁸¹, за весь ужас Гражданской войны, за все срывы и падения народа.

Теме равнодушия посвящена очень эмоциональная статья «Два события»⁸² — представляющая собой отклик на то, как в русских газетах было сообщено о смертной казни двух польских бандитов и о толпе, кричавшей «Смерть!» еще одному арестанту, подозреваемому в убийстве. Это, наверно, самая возмущенная из всех статей Е.Ю. Скобцовой в «Днях»: она пишет о «третьем» событии, «нашем русском безразличии к этим чужим казням»: «Тут перед нами две дороги. Или слыша постоянно: такой-то расстрелян, такой-то замучен, у такого-то казнили сыновей, у такой-то в Чеке погиб муж, — мы отупели, мы приняли известную бытовую обыденщину казней, — и уж не удивишь нас, не затронешь даже просто наших нервов казнью каких-то двух бандитов. Что бандиты, чужие нам, когда столько близких нет? — И если мы на этом пути, то вообще нам спасения нет, — погибнем, значит, от медленной отравы чужой кровью, в себя приняли самый страшный яд чекистского начала. И другой путь. Путь соучастия в предсмертных муках казнимого. Путь ощущения казни человека как поругания человечества и как своего личного поругания. “Человек, — это звучит гордо”. — Это могло звучать гордо до подвалов Чеки. Сейчас это звучит очень жалобно и тоскливо, потому что человек — это тот, кого убивают, человек, — это тот, кто убивает. И в любой казни всегда казнится и мое человеческое достоинство. Мы должны себя чувствовать соказненными».

Именно в этой статье почти невольно прорывается у нее «негазетная» тема Креста и Голгофы, окончательно расставляющая точки над *i* в ее теме избранничества и мессианства: «И может быть, наше — русское — последнее оправдание сейчас в том и в том наш выход на иные дороги, что тень Креста на казнях русских явственнее и виднее». Слова «Крест» и «выход» недаром стоят рядом, в одной фразе. Развитие и завершение историософии матери Марии можно найти в ее богословии времен «Православного дела», неотделимого от самого этого дела как части «целостной жизни» и «целостного мирозерцания».

⁸¹ Скобцова Е. Шуба от северного ветра. С. 2.

⁸² Она же. Два события // Там же. 12 апр. № 1387. С. 2.